

Пролог

Мое тело — храм.

Урюмая старая церковь у реки, для которой всей деревней собирают пожертвования на реставрацию.

Мое тело — храм.

К нему тоже обращаются в минуты горевания.

Мое тело — храм.

Но разве туда не может зайти любой желающий? Чтобы поставить свечку или помолиться.

Например, за упокой души, которой лично у меня уже не осталось.

Плотный бас окружает мое тело, заставляя двигаться в ленивом ритме. Кожа от долгих танцев покрыта испариной, глаза прикрыты, потому что это помогает справиться с вертолетами, которые после нескольких коктейлей радушно берут меня на борт.

Кто-то подходит со спины и кладет руки мне на бедра. Следует за музыкой вместе со мной. Я не сопротивляюсь.

Хочет трогать — пусть трогает.

Но, разумеется, не бесплатно. Я поворачиваю голову и, перекрикивая музыку, спрашиваю:

— Угостишь?

— Не вопрос, — отвечает, касаясь губами уха, — что будешь?

— То, что откроют или сделают при мне, — смеюсь беспечно и поднимаю веки.

Лицо смазано, запах мне не знаком, касания не вызывают никаких эмоций. Но денег у меня нет, а сегодня отличный вечер, чтобы забыться за чужой счет.

Парень берет меня за руку и ведет к бару. От этого контакта — тоже ничего. Что-то механическое, как будто врач трогает.

— Секс на пляже? — спрашивает с очевидным намерением.

Но я не смущаюсь. Смеюсь, мазнув взглядом по его лицу, пока парень кладет руку мне на талию.

Тянусь к его уху, чтобы прокричать:

— До пляжа далеко, милый! Но коктейль окей. Устраивает.

Поворачиваю голову, ловлю в расфокусе толпу на танцполе и вдруг получаю разрывную пулю в голову.

Мой эквивалент внезапной смерти, извержения вулкана, конца света — стоит у входа в бар. Широкие плечи, руки в карманах джинсов, темная челка на глазах.

О, эти глаза я знаю. Несмотря на теплый карий цвет, мрачные и злые. Эти глаза знают, кто я такая и зачем я здесь.

Мы слишком далеко друг от друга, но мои ноздри дергаются, будто в действительности улавливают его запах.

Привычным движением тяну уголки губ вверх. Так люди улыбаются, я много за ними наблюдаю, я это знаю. Пусть думает, что мне весело.

— А? — поворачиваюсь ухом к своему новому знакомому.

— Как зовут, говорю?

— Илона!

— Хочешь развлечься, Илона?

— А я по жизни, — обхватив губами трубочку, делаю несколько больших глотков и лишь после этого продолжаю, — только и делаю, что развлекаюсь.

Глава 1

Илона

Когда звонит третий будильник, у меня наконец получается открыть глаза. Шторы плотно закрыты, так что комната погружена во мрак. Я вздыхаю и растираю лицо ладонями. Воздух тяжелый и спертый: я почему-то испугалась на ночь открывать окно. Подумала, вдруг будет слишком холодно и сквозняк дотянет до комнаты бабушки.

Потом замираю и прислушиваюсь. Ничего. Абсолютная тишина.

Паника затапливает за секунду, зарождааясь где-то в лобной доле, и дальше стремительно растекается по всему телу.

Подпрыгивая с постели, лечу в соседнюю комнату, стараясь, вопреки логике, сильно не шуметь.

— Ба? — почти выкрикиваю, распахнув дверь.

Она откладывает книгу и смотрит на меня через толстые стекла очков.

— Да, мышка?

— Эм-м... Доброе утро! — тут же сдаю назад, стараясь скрыть свой ужас. — Хочешь кашу или сырники?

— Илоша, покушай сама, ладно? — она улыбается, но я вижу, как тяжело ей это дается. — Я потом сама позавтракаю. Книжка больно интересная.

Я напрягаю нужные мышцы на лице, которые, как я знаю, должны изобразить улыбку. Подхожу к тумбочке, проверяю блистеры с таблетками, по памяти высчитываю, сколько не хватает. Спрашиваю:

— Не пила еще сегодня?

— Нет.

Я выщелкиваю нужные и собираю их в кучку. Потом произношу:

— Не забудь, пожалуйста. Я сделаю кашу и тебе оставлю.

Прикрываю за собой дверь и выдыхаю. Не только воздух из легких, но и собственный страх. Живая. Слава богу, сегодня живая.

После того как умер дедушка и мы остались вдвоем, не могу избавиться от ощущения, что Ба может уйти в любой момент.

Я умываюсь, готовлю завтрак на нас двоих, наскоро ем. Потом мою голову, сушу фенот и быстро прохожусь утюжком, наношу макияж. Глаза поярче, на губы — коричневый карандаш и нюдовая помада в центр. С губами мне, конечно, повезло. Их даже увеличивать не нужно, красивая четкая форма и объем. В детстве дразнили губошлепкой, но сейчас я очень довольна. Спасибо мамочке. Хоть за это.

Когда натягиваю черные колготки, длинными ногтями случайно прорываю тонкий капрон. Вырутавшись, снимаю их и швыряю на пол. Других у меня нет.

Распахнув шкаф, обзираю его небогатое содержимое.

— Черт, черт, черт, — приговариваю тихо.

На всякий случай перерываю ящик с нижним бельем и нахожу чулки. Слава богу! Надеваю плиссированную черную юбку и становлюсь напротив зеркала в дверце старого гардероба. Наклоняюсь, чтобы проверить, в какой момент становится видно резинку чулок. Ну, что ж... Тело — это всего лишь тело. Разве оно не у всех одинаковое?

Перед выходом еще раз заглядываю к бабушке:

— Я в универ.

— Пока, мышка, — говорит она и добавляет тихо, — я так рада, что ты учишься.

Напрягая нужные мышцы, изображаю улыбку. Наверное, Ба уже не будет, когда меня выпнут из этого учебного заведения. Пусть порадуется сейчас.

В узкой прихожей надеваю грубые черные ботинки, накидываю куртку и беру маленький рюкзачок. И то, и другое, и третье только притворяются кожаными, но выглядят вроде бы неплохо.

На улице бегу, шурясь от порывов осеннего ветра, до остановки. Там пританцовываю, сразу же продрогнув, и прячу лицо от мороси, которая висит в воздухе. Когда вижу тормознувшую старенькую бэу, а за рулем знакомое лицо, тут же падаю на пассажирское.

— Привет! — чмокаю друга в щеку.

— Доброе утро, Ракета.

— Как вчерашние маневры? — спрашиваю, имея в виду девушку, которую он приглашал в кино.

— Успешно.

— Мама как? — уточняю будто бы беспечно.

— Как обычно.

Я киваю и смотрю в окно. Потом спрашиваю:

— Можно подрублюсь?

— Давай.

Я подключаю телефон к машине и включаю свой плейлист. Но, забыв, какой трек добавила последним, краснею, когда на всю машину гремит «Распалась укладка, размазана тушь, себя собрала опять впопыхах».

Magic Man – Бабочки

Матвей хмыкает, не отрываясь от дороги:

— Бабочки же тоже попадают в ад?

— Да, — соглашаюсь легкомысленно, — обжигая бархатные крылья.

Мы с другом улыбаемся. В машине тепло и пахнет новым ароматизатором, кажется, что-то цитрусовое. Я сползаю в кресле пониже, и Стрелков говорит:

— Ракета, чулки.

Я фыркаю:

— На дорогу смотри.

— Если одернешь юбку, это будет сделать проще.

— Боже, — ворчу, послушно поправляя одежду, — во-круг сплошные ханжи и моралисты! Че ты там не видел?

Матвей качает головой:

— Хорошая ты девка, Ракета, но шальная, конечно. Все я там видел, но лишний раз лучше не показывай, дружить меня устраивает.

— Меня тоже, — произношу отстраненно, глядя в окно.

И это чистая правда. У нас с ним никогда ничего не было, даже флирта. Не знаю, почему, но с первой встречи именно так сложилось. Наверное, я совсем ему не нравлюсь, но, честно говоря, только рада этому. Стрелков — единственный мужчина, с которым я чувствую себя в полной безопасности. И мы действительно видели друг друга в самых разных состояниях. На свой прошлый день рождения я так напилась, что другу пришлось тащить меня домой на себе, полоскать меня в ванной и даже застирывать мое праздничное платье. А месяцем позже я делала все то же самое для него. Ну, кроме платья, разумеется. Такое Стрелков не носит.

Когда мы подъезжаем к универу и паркуемся, уже взявшись за ручку двери, я вдруг замечаю мотоцикл. Черный, блестящий и какой-то... опасный? Управляет им парень, тоже во всем черном. Выглядит как всадник апокалипсиса. У меня аж дыхание перехватывает.

Смотрю, как он останавливается, ставит мотик на подножку, ловким движением снимает шлем и проводит рукой по темным волосам.

— Это кто? — спрашиваю у Матвея.

Проследив за моим взглядом, друг хмыкает:

— Не, Ракета, сори. Не твой пассажир.

— Почему?

Мой голос звучит беспечно, но по телу разливается ядовитая обида. Несмотря на это, продолжаю сканиро-

вать байкера. Широкие плечи, проколотые уши, пухлые губы. От него просто несет густой мужской энергетикой.

— Слишком разборчивый. Не в обиду, — морщится Мот от того, что сам же и сказал, — я просто видел его бывшую. Такая принцесска. Еще и блондинка.

— На то она и бывшая, милый, — смеюсь. — Так кто это?

— Антон Подрезов. Из моей группы.

— Из твоей? — восклицаю возмущенно, пока парень здоровается с кем-то за руку. — И ты мне не рассказал?!

— Ага, — фыркает Стрелков, — берег его честь.

Со смешком закатываю глаза:

— Придурочный.

— Я?! — уточняет с возмущением, рассовывая по карманам свои вещи. — Я вообще лапочка. Котик. Свет очей твоих.

— Ага, конечно, а сам умолчал о таком сокровище!

— Илона, серьезно, лучше не надо. Хорошего не выйдет.

— Ты гадалка?

— Таролог.

— Познакомишь с одноклассником? Таролог.

— Ракета...

— Мот, просто познакомь.

— Ладно, идем, — цедит он.

Я выбираюсь на улицу, одергиваю юбку и поправляю волосы. Замечаю, что байкер уже двигает к зданию университета, и тороплюсь ему наперерез. Если буду ждать Стрелкова, помру одинокой. Так что делаю вид, что засмотрелась в телефон, и влетаю ему в плечо. Роняю рюкзак на землю.

— Ой! — выдаю с сожалением.

Парень смотрит на меня недоуменно, но все же наклоняется и сам подбирает рюкзачок. Вручает мне, пока я хлопаю ресницами и кокетливо ему улыбаюсь. С досадой отмечаю, что Матвей был прав: интереса в глазах я не вижу.

— Привет, — говорит подоспевший Стрелков, — Резкий, здарова.

Я на секунду теряюсь. Резкий. Не знаю, почему, но прозвище впечатляет, и с меня спадает привычная маска. И в этот момент Антон почему-то прищуривается, глядя мне в лицо.

У него теплые ореховые глаза, но взгляд пронизывающий и холодный.

— Привет.

— Это Илона, моя подруга.

Я с готовностью протягиваю руку. Подрезов прищуривается еще сильнее и пожимает мою ладонь. Его — сухая, широкая и теплая. Прикосновение внезапно ощущается ярко. Я чувствую даже мозоли на его коже. Наверное, от руля мотоцикла? Такое бывает?

Я очень тактильный человек. Так говорит бабушка. Но правда в том, что я как раз плохо чувствую свои границы и границы чужих людей. Обняться, поцеловаться для меня — как зубы почистить, ничего особенного.

Но, касаясь руки этого парня, вдруг понимаю, что это приятно.

Дрогнув, забираю свою ладонь из его захвата. Антон снова смотрит на меня внимательно, но, когда я начинаю часто моргать ресницами, кажется, все порчу, потому что он снова теряет ко мне интерес.

Но сдаваться я не собираюсь. Обычно я точно знаю, какие крючки закинуть, чтобы рыбка клюнула. Этот, видимо, любит рыбачить сам. Что ж, придется потрудиться.

Резкий, как назвал его мой друг, кивает нам на прощание и уходит, наглядно демонстрируя собственное равнодушие.

Я задумчиво смотрю ему в спину. Уверенные движения и мотоциклетный шлем в руке делают его просто неотразимым. Быстро оглядевшись, понимаю, что заинтересованным взглядом провожаю его не одна. Может быть, это и правда не мой пассажир.

- Ну что? — спрашивает Матвей.
- Сам вроде видишь.
- Я предупреждал.
- Ты заколебешь.
- Согласен, — кивает он с усмешкой, — идем?
- Идем, — соглашаюсь легко.

Беру Стрелкова под руку, и мы вдвоем шагаем к широким ступеням.

Я говорю:

- Этот Антон... Он выглядит дорого.
- Так и есть.
- Интересный парень, — роняю тихо и вытягиваю губы трубочкой, снова задумавшись.
- Ракета, — вздыхает Матвей, — ну куда ты лезешь опять?
- Скучно мне, Мотик, если никуда не лезть.
- Ну смотри, не плачь потом у меня на плече.
- Ой, да когда я последний раз плакала! — восклицаю возмущенно.

Стрелков поднимает руку и с готовностью загибает пальцы:

— На выпускном концерте в центре, или когда смотрели последнего Дэдула, или когда увидела больного голубя...

Я смеюсь и толкаю его в плечо:

- Ладно! Я ужасный нытик, доволен?
- О да!
- Но на выпускном правда было трогательно.

Матвей смотрит на меня искоса и кивает. Когда мы заканчивали свои школы, то не были особо эмоциональны, а вот когда выпускались из реабилитационного центра для неблагополучных подростков, рыдали все. Даже у Мота глаза были влажные.

Весь преподавательский состав много для нас сделал, а главный руководитель, Кирилл Вадимович, пристроил на дальнейшее обучение всех, кого смог. Нам со Стрел-

ковым тоже повезло, прошли по квоте, только на разные факультеты. Не думаю, что смогу тут задержаться, но попробовать в любом случае прикольно.

Честно говоря, у меня на жизнь несколько другие планы. Мне просто нужен правильный парень. Ну, понимаете, да? Который обеспечил бы меня не только любовью, но и в целом.

На первом этаже, лавируя в толпе студентов, придвигаемся с Мотом ближе друг к другу. Его прикосновения тоже ощущаются достаточно теплыми. Только иначе. Как будто с братом.

Мы сдаем куртки и расходимся в разные стороны, дежурно чмокнув воздух у щек друг друга.

Я немного блуждаю по коридорам, запутавшись в нумерации аудиторий, поэтому, когда нахожу нужную, препода уже что-то вещает. Я крадусь к своему месту рядом с девчонкой, с которой смогла наладить контакт.

— Привет, — шепчу Ладе.

— Потерялась?

— Ага.

— Я тоже еле нашла.

Достаю тетрадь на кольцах, шурюсь на педагога. У меня небольшой минус по зрению, но мне это особо не мешает, а вот на очки деньги тратить не хотелось бы.

Кручу в пальцах ручку. Господи, как бы сосредоточиться, чтобы понять, о чем вообще лекция.

Через пять минут оставляю попытки вникнуть и отправляюсь серфить по социальным сетям. Разумеется, первым делом я отыскиваю Антона Подрезова. Почти все его фото — в мотоциклетном шлеме. При таком красивом лице, если хотите знать мое мнение, это просто преступление.

Я поворачиваю телефон к Ладе экраном и шепчу:

— Ты его знаешь?

— Подрезов? Конечно.

— Почему все его знают, кроме меня, — шиплю недовольно.

Егорова широко улыбается:

— А нафиг нам конкуренты?

— Справедливо. Он тебе нравится?

Она пожимает плечами:

— Красивый парень. Вечный покерфейс, мотоцикл, тело просто... вау. Но нет, — она хмыкает, — не цепляет.

Смотрю, как Лада записывает что-то в тетрадь, и зеркалю ее действия. Пишу обрывки фраз, в действительности не отслеживая смысл.

Не цепляет. Интересно, почему? Разве Антон не из тех парней, которые нравятся всем? Или таких людей вообще нет?

Я наклоняюсь к соседке, когда она сосредоточенно прочесывает светлые волосы пальцами и слушает лекцию, нахмутив брови.

Наконец решаюсь уточнить:

— Почему?

— А?

— Почему не цепляет?

Лада поворачивается ко мне, и взгляд ее напоминает сканер. Она как будто недоумевает, почему я вообще задаю этот вопрос.

Потом шепчет:

— Я из тех, кто думает, что у людей есть вторые половинки. Этот — точно не моя.

Не справившись с эмоциями, я искренне фыркаю от смеха и тут же прикрываю рот ладонью. Неразборчиво бормочу:

— Извини.

— Ничего. Если повезет, то и ты поймешь, о чем я говорю. То есть... — расширив глаза, она замирает.

Ничего ужасного сказано не было. А я и так знаю, какая у меня репутация. Просто иногда становится жаль, что люди так быстро складывают свое мнение о ком-то. Молниеносно, ни во что не погружаясь. Мы знакомы-то

несколько недель, с чего она взяла, что ей все про меня понятно?

Я поднимаю уголки губ наверх, рисуя улыбку. Киваю в знак того, что поняла и не обиделась. А потом проваливаюсь в собственные мысли, вычерчивая дурацкие узоры на полях тетради.

Настроение, как ни странно, портится. Но я все равно старательно смеюсь и улыбаюсь, когда общаюсь с ребятами из группы между парами. В столовой мы тоже сидим все вместе, наперебой обсуждая преподав и запутанные лабиринты университета.

И только когда под конец дня мы выходим в холл, я говорю, что мне нужно отойти. Закрываюсь в кабинке туалета и роняю лицо в ладони.

Хочется себя жалеть и плакать, но слезы не идут. Я просто беспорядочно дышу в собственные руки и думаю о том, что даже страдать по-человечески не умею.

Лада хорошая, но она ко мне относится чуть снисходительно, я это вижу. Почему-то все равно общается. Может, у нее какой-то комплекс спасителя, и она думает, что без нее подруг у меня тут не будет? Я очень стараюсь понравиться ребятам из группы, но девочки все равно меня немного сторонятся.

Справившись с неожиданным приступом эмоциональности, я выхожу к раковинам, обтираю мокрыми руками шею. Смотрю на себя в зеркало. Темные волосы, голубые глаза, полные губы. Может, только брови чуть широковаты, за это меня тоже дразнили. В остальном я кажусь себе красивой. Может, за это не любят. А может, я недостаточно хорошо притворяюсь нормальной, и нужно стараться лучше.

В холле обнаруживаю, что никого из моей группы уже нет, а Матвей сегодня на тренировке по баскетболу. Так что я забираю куртку и иду на улицу в гордом одиночестве.

Остановившись на крыльце, тут же вижу Антона Подрезова. Он стоит у своего мотоцикла, в одной руке дер-

жит шлем, в другой — телефон, что-то сосредоточенно там печатает.

В груди ворочается какое-то странное теплое чувство. Резкий мне нравится. Как и многие другие, конечно, но ощущается почему-то иначе. Может, потому что отшил?

Быстро сбегая по ступеням, на ходу натягивая куртку, и подхожу к Антону. Проходит несколько долгих секунд, прежде чем он меня замечает. Поднимает голову и рассеянным взглядом утыкается в мое лицо.

— Привет, — говорю радостно.

Он опускает взгляд ниже, не торопясь, разглядывает меня до самых ботинок, а потом так же медленно возвращается к глазам. Мне вдруг становится неудобно за то, как я одета. На мне все чистое, но очень дешевое. Этот парень запакован совершенно в другие шмотки.

— Забыл, как тебя зовут, извини, — роняет без сожаления.

— Илона.

— Точно. Лола. Что нужно?

То, как Антон сокращает и трансформирует мое имя, неожиданно нравится. Так меня вроде бы никто еще не называл. Если ему так будет проще запомнить, то и ладно. Пусть будет Лола.

— Прокатишь? — интересуюсь, с улыбкой кивая на мотоцикл.

— Извини, нет с собой второго шлема.

— М-м, ну не страшно. Я готова к опасности.

Улыбаюсь своей самой кокетливой из улыбок, но не вижу никакого, даже минимального, интереса. Я выставлю вперед колено в надежде на то, что Антон хоть немного похож на обычного мужчину.

Но он, кажется, скроен из каких-то других материалов, потому что продолжает пялиться мне в глаза. При этом очень меланхолично.

И вдруг я слышу, как какая-то девушка высоким голосом окликает:

— Антош!

Синхронно с Подрезовым обернувшись, я вижу на парковке блондинку. Высокая, стройная... *дорогая*. Вспомнив слова Матвея, понимаю, что это та самая бывшая.

Парень отворачивается, притворяясь, что не заметил, будто его зовут. Но блондинка не сдается. Снова кричит:

— Антон!

— Черт, — бормочет он с досадой, — ладно, поехали. Только быстро.

Подрезов берет свой шлем и надевает мне на голову. Зашелкивает под подбородком какой-то замочек, затягивает крепления и говорит:

— Держись за меня. Куда наклоняюсь я, туда и ты, понятно?

— Да, — бормочу тихо.

Смена его решения мне понятна, но все равно немного сбивает с толку своей резкостью. Впрочем, мне это только на руку.

— Представь, что ты — рюкзак. Держись коленями и предплечьями. Ясно?

— Да, — снова кляю головой, которая в шлеме внезапно становится очень тяжелой.

Он садится на мотоцикл сам и тянет меня за руку, чтобы я устроилась так, как надо. С готовностью выполняю все его инструкции и быстро подминаю под себя юбку как могу, чтобы ветер не унес ее в соседний район. Прижимаясь грудью к спине Антона, ощущаю волнение. Наверное, все же от предстоящей поездки. На мотоцикле я еще не ездила.

Обхватываю Подрезова руками за талию и даже через шлем слышу, как его бывшая кричит:

— Тош, ты прикалываешься?!

В ту же секунду он срывается с места. Меня откидывает назад, и я инстинктивно вцепляюсь в него всем,

чем только могу. Испытываю страх и восторг одновременно. От ветра трещит стекло шлема, которое не до конца опущено. Адреналин заставляет кровь вскипеть пузырями, это такой неоправданный риск! Если мы сейчас упадем, то убьемся оба. Я в тонких чулках, мне бы кожу стесало до костей.

От ужаса и шального волнения стискиваю Антона руками еще сильнее. Когда он поворачивает, я стараюсь расслабить тело и следовать за ним, стать его продолжением. Налево, направо, налево, налево. Откидывая мысли об аварии, я сосредотачиваюсь на ощущениях. Стремя глазами по сторонам на мелькающий пейзаж, но головой стараюсь не вертеть, понимаю, что это Подрезову помешает. Когда слишком расслабляюсь, он хлопает меня по колену, давая понять, что надо сжать его ногами сильнее. Жест вроде бы стандартный, он про безопасность, но кажется мне интимным. В груди все переворачивается почему-то. Вжимаюсь в Антона, вдруг понимая, что всем вокруг наверняка видны резинки моих чулок.

Чувство стыда мне не особо знакомо, но, кажется, именно его я бы сейчас испытывала, если бы могла.

И в то же время мне так кайфово! Дух захватывает от этой опасности и ветра, который пробирается в шлем и обнимает мое тело. Отпуская контроль, я действительно становлюсь продолжением Антона. Считывая его движения, повторяю их неосознанно.

Но тут, съезжая с дороги, он останавливается во дворе. Поворачивается ко мне и говорит резко:

— Домой не повезу.

Вся эйфория, вызванная поездкой, погибает в секунду. Перекидывая ногу, я слезаю с мотоцикла и упираюсь ладонями в шлем снизу.

Он не поддается, конечно, потому что зафиксирован под подбородком. И я внезапно испытываю панику и иррациональную агрессию. Мне хочется сорвать долбан-